От автора

Эта книга в течение последних двадцати лет собиралась из очерков и интервью, опубликованных и неопубликованных воспоминаний, законченных и незаконченных статей, стихотворений по случаю и «в стол», заметок в записных книжках и «проб пера». Если учесть, что на заключительном этапе работы в *Приложения* я добавил юношеские стихи, библиографию и панораму моей музыки и исследований, то получается, что этот труд сложился из текста пройденного творческого пути. Получившаяся жанровая разноголосица помешала ему превратиться в традиционную хронику. Явилась именно Книга жизни, где, как в средневековой КНИГЕ, сочетаются повествования разных лет, сюжеты и истории, не связанные единством времени, действия и причинно-следственными отношениями. Откристаллизовавшаяся драматургия показалась мне занятной, поскольку ее интонация больше напоминает течение событий, то набегающих друг на друга, то образующих глубокие провалы. И это хорошо. Поскольку время — не листки календаря. И в своем отображении оно должно обрести черты, близкие к нелинейности музыкального высказывания.

В юности пишут стихи. В зрелости переходят к прозе. Потом — к мемуарам. Жанр определяет границы жизненного цикла. Но не следует думать, что

мемуары подводят итог. Наоборот. Они служат запутыванию истории жизни. Ведь пишутся они не о действительных событиях, а о том, что́ через много лет их свидетель думает о них. Или еще для чего-то. Например, гении, как Римский-Корсаков, сжалившись над своими будущими биографами, стремились облегчить им жизнь. Таланты, обращаясь к воспоминаниям, тщились подражать гениям, глядя на свою судьбу с их высоты. И те, и другие, не замечая очевидного, лишь сводили счеты с прошлым, превращая его в миф. Ибо всякая история, покрываемая интерпретацией, как считал Ролан Барт, становится мифом. Правда в случае с мемуаристикой история — в силу личного присутствия автора — обращается в миф, который не лишен черт правдоподобия. Можно сказать, что любые воспоминания не более чем правдоподобный миф. Не буду скрывать. Я отдаю себе отчет: то, о чем я пишу, — почти вымысел. Поскольку, прорываясь сквозь пласты времени, я уже не могу вспомнить, что я чувствовал десять, двадцать, тридцать лет тому назад. Могу лишь представить это, домыслить. Облечь факты в чувственную оболочку интерпретации.

Главный вопрос: «Для чего все это было?» Так, кстати, называется книга воспоминаний сына знаменитого писателя и одного из моих любимых консерваторских педагогов *Дмитрия Алексеевича Толстого*. Когда-то он подарил ее мне (шел 1995 год), надписав: «Дорогому Игорю Воробьеву — ученику, единомышленнику и сподвижнику с дружескими чувствами». Я с увлечением прочитал эту легко, виртуозно написанную книгу. Но вопрос, поставленный в ее начало, не мог быть решен ни композитором Толстым,

ни писателем Толстым и никем иным. Если бы ответ был, то следовало бы предположить, что человек может строить свою жизнь по законам классической драматургии (экспозиция — развитие — заключение). Между тем, человек не рождается строителем собственной судьбы, а лишь носителем инерции судеб предков. Это значит, что момент самоосознания совпадает с точкой преодоления этой инерции, чаще всего в юности («трудный возраст»). Так что жизнь каждого вряд ли может быть построена по классическому принципу. Она никогда не начинается с экспозиции, но сразу же — с развития. Вопрос в том — прозвучит ли когда-либо в этой «симфонии» главная тема...